

литические в Аджайгархе (Випидхья Прадеш). Предполагаются большие раскопки харашского поселения в Рупаре и памятников «серой расписной керамики» в Парiare (Уттар Прадеш). В план исследований включен и большой мегалитический могильник в Адиганамуре (около Тиниивели). Будут продолжены раскопки в Махесваре и раскопки на месте древней Паталипутры. Интересные исследования ожидаются в Тамлюке (Бенгал) — древнем порте Индии. Департамент Археологии принял план пятилетних археологических работ в Нагарджунаконде¹. Большое внимание уделяют индийские археологи также изучению памятников средневековой эпохи. Можно надеяться, что ведущие индийские археологи в скором времени познакомят научный мир с новыми памятниками древней культуры Индии.

Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деоник

Студенческая археологическая конференция

В марте 1955 г. на Историческом факультете МГУ состоялась первая студенческая археологическая конференция, организованная по инициативе НСО кафедры Археологии.

В конференции приняли участие студенты-археологи Ленинградского, Ташкентского, Молотовского, Харьковского, Воронежского, Уральского государственных университетов и Ижевского Педагогического института. На конференции было сделано 24 доклада, из которых 15 докладов сделали гости. Доклады охватывали самые различные вопросы археологии; например, новгородская торговля и развитие ранне-средневековой крестообразной архитектуры, славянская железоделательная металлургия на Среднем Днестре, металлургия древних комы-пермяков. Были сделаны доклады по археологии Средней Азии, Урала, Северного Причерноморья, по славяно-русской археологии. Доклады отличало стремление исторически осмыслить богатый фактический материал, добытый советскими археологами в самое последнее время. Доклады студентов-археологов показали в то же время умение авторов детально анализировать памятники материальной культуры с привлечением сравнительного материала.

Настоящая информация содержит сообщение только о докладах, посвященных археологии первобытно-общинного строя и античной археологии. Наибольший интерес вызвали на конференции доклады В. Титова, И. Поздесвой, В. Викторовой, Р. Васильевского, А. Кокорева; эти доклады были посвящены отдельным важным проблемам археологической науки.

В. Титов (МГУ) сделал доклад «К вопросу о происхождении фатьяновской культуры». По мнению докладчика, фатьяновская культура является одной из разновидностей культуры шнуровой керамики. Культура шнуровой керамики была широко распространена в Средней и Восточной Европе в конце первой половины II тысячелетия до нашей эры. Германские археологи школы Косинны утверждали, что центром расселения племен шнуровой керамики (по Косинне — индогерманцев) была Средняя Европа (Шлезвиг-Гольштейния, Саксония и Тюрингия). Археологи-марристы рассматривали все типы культуры шнуровой керамики как автохтонные, появившиеся в результате стадийного взрыва, приведшего к решительному изменению всех форм материальной культуры.

В. Титов, изучив фактический материал по фатьяновской культуре и сопоставив его с материалом других культур шнуровой керамики, пришел к следующим выводам, которые и были изложены в его докладе.

¹ О раскопках в Нагарджуна см. T. N. Ramachandrau, Excavations at Nāgarjunakonda, «Indian historical quarterly», т. 28, № 2, 1952.

Фатьяновская культура появилась в Волго-Окском междуречье на рубеже III — II тысячелетия до н. э. одновременно с появлением культуры одиночных могил в Дании и культуры ладьевидных топоров в Швеции и Финляндии, т. е. культур, имеющих наибольшее сходство с фатьяновской культурой.

С древнейшими могилами культуры одиночных погребений Дании фатьяновскую культуру сближает сосуд вытянутых пропорций с короткой шейкой, с веревочным орнаментом из Давыдкинского могильника (так же как и инвентарь погребений этого могильника), горизонтальные оттиски веревочки на сосудах из Кузминского и Ковровского могильников, ленты наклонных линий, выполненные нарезкой (Протасовский могильник), облицовка грунтовой ямы деревом. Укороченные пропорции сосудов, наличие второй орнаментальной зоны, веревочный орнамент и наличие у некоторых сосудов Кузминского могильника маленьких доннышек позволяет сопоставлять наиболее ранние формы фатьяновской керамики с древнейшими шведскими кубками культуры ладьевидных топоров. Находки ладьевидных топоров на территории распространения фатьяновской культуры, многогранных шлифовальных плит и клиновидных топоров несомненно, свидетельствуют о хронологической связи древнейших этапов культуры ладьевидных топоров и фатьяновской культуры. Эти три культуры (фатьяновская, ладьевидных топоров в Швеции и одиночных могил в Дании), несомненно, находятся и в генетической связи, происходя, принимая во внимание их одновременность, видимо, от одного предка. Они появляются в Средней России и Скандинавии уже возникшими полностью и не имеют корней в местных неолитических культурах.

Вопреки утверждениям западно-европейских ученых об образовании культур одиночных погребений и ладьевидных топоров в результате миграций племен саксо-тюрингской культуры, В. Титов предлагает другое решение вопроса. По его мнению, найденные в Дании пять поздних саксо-тюрингских амфор не могут быть одновременны со шпуровыми кубками, характерными для нижних могил Дании. В Дании совершенно отсутствуют и другие формы керамики, характерные для саксо-тюрингской культуры (банки, чаши, ладьевидные сосуды). В то же время в саксо-тюрингской культуре нет кубков, характерных для нижних могил культуры одиночных погребений. Прямую связь с поздней ступенью развития саксо-тюрингской культуры образуют маршвицкая культура в Силезии, культура Злоты, западноукраинская культура шнуровой керамики¹. Рассматривая мало изученную среднеднепровскую культуру, докладчик считает возможным выделить днепровско-деснинскую группу в отдельную культуру, основываясь на том, что она гораздо больше связана с северными культурами шнуровой керамики, чем с другими группами среднеднепровской культуры. На это указывают характерные для северных культур шнуровой керамики признаки: шаровидность и невысокая шейка некоторых сосудов, находки клиновидных топоров, сходные с фатьяновскими наконечники стрел, типичные ладьевидные топоры, шлифовальные камни. Фатьяновская культура не может происходить от среднеднепровской культуры хотя бы уже потому, что последняя не является автохтонной. Происхождение фатьяновской культуры докладчик, в качестве гипотезы, опираясь на некоторые положения проф. И. Борковского (1930 г.) и проф. Т. Сулимирского (1933 г.), связывает с естественным процессом сегментации племен так называемой ямной культуры, который начался, видимо, во второй половине III тысячелетия до н. э. Эти племена, видимо, разделились на две ветви, одна из которых дала начало племенам шнуровой керамики Скандинавии, Северной Германии и Средней России, а другая — племенам культуры шнуровой керамики в Саксонии, Тюрингии и на Среднем Днепре. В дальнейшем связи племен фатьяновской культуры с племенами других культур шнуровой керамики рвутся и завязываются новые, например с унетицкими племенами и с племенами Северного Кавказа, цель этих связей — получение металла. Обособленность и замкнутость фатьяновской культуры еще больше увеличивается на последнем этапе ее развития, что особенно ярко выражается в наиболее восточной ее группе — балазовской.

¹ Г. Ч а й л ь д называет западноукраинскую культуру шнуровой керамики — волинской; Т. С у л и м и р с к и й — юго-восточно-польской.

В. В и к т о р о в а (Уральский Гос. университет) сделала доклад на тему «Жилище срубной культуры на территории Южной Башкирии». Разведки в южной Башкирии и раскопки на селище Береговское I позволили впервые говорить о срубной культуре как о характерной для южной Башкирии культуре эпохи бронзы. Селища срубной культуры южной Башкирии так же, как и в Нижнем и Среднем Поволжье, расположены группами по течению маленьких рек. В ходе раскопок землянки на одном из таких селищ (Береговское I) выяснилось, что селище было покинуто в результате катастрофы, сопровождавшейся пожаром, что облегчает возможность восстановления картины жизни около землянки, а также возможность реконструкции самой землянки. Прямо перед входом в землянку находилась производственно-хозяйственная площадка с очагом-кострищем, на которой найдены раздавленные сосуды, масса расколотых камней, пять каменных пестов и две зернотерки. Жилище представляет из себя полуземлянку прямоугольной формы ($11,5 \times 8$ м). Лучше других прослежены восточная и западная стенки жилища. Границы же северной и южной стенок прослеживаются по следам обгорелых бревен. Пол землянки корытообразный. По центральной оси жилища ближе к выходу располагалась очажная яма (2×2 м), повидимому, зимний очаг для отопления землянки. Внешний вид жилища реконструируется докладчиком как двускатный шалаш, опирающийся на две поперечные перекладины. Автор делает вывод, что в конструкции землянки Береговской I скрещиваются черты андроновских жилищ Зауралья и срубных жилищ Поволжья. Самый многочисленный материал на селищах южной Башкирии — керамические изделия. Устойчивость на всех селищах определенных форм посуды (с отогнутой шейкой, сосудов баночной формы), однотипность способа изготовления и состава теста, а также одинаковый способ орнаментации позволяют говорить об относительной одновременности селищ срубной культуры южной Башкирии. Кроме того, по форме и по типу орнамента эта керамика близка к керамике раннего периода срубной культуры Поволжья. На селищах часто встречаются фрагменты керамики, орнаментированные веревочкой, что указывает на связь с полтавкнской культурой. В. Викторова считает, что, продвигаясь из Нижнего Поволжья к южному Уралу, племена срубной культуры теряли некоторые элементы, характерные для полтавкнской культуры. В то же время, принимая некоторые черты андроновской культуры, племена срубной культуры составили южноуральскую локальную группу срубных памятников. Время передвижения и оседания племен срубной культуры на южном Урале докладчик датирует XIV—XII веками до нашей эры.

Р. В а с и л ь е в с к и й (ЛГУ) охарактеризовал вкладышевые орудия со стоянки Ошурково (р. Селенга в восточной Сибири), датируемой верхним палеолитом. На многих стоянках верхнего палеолита (Мезин, Амвросиевка на Украине, Шан-Коба в Крыму, стоянка Талицкого на р. Чусовой и др.) находят наконечники дротиков из кости и рога. Эти наконечники представляют собой круглые стержни веретенообразной формы с продольными желобками-прорезями по сторонам. Относительно назначения этих желобков в науке высказываются различные мнения: они служили или для вставки кремневых пластинок или для более легкого стекания крови. На материале костяных наконечников стоянки Ошурково докладчик сделал попытку доказать, что наконечники из некоторых стоянок (Мезина, Амвросиевки) не были вкладышевыми. Известны два типа орудий вкладышевой техники: 1) костяные остроконечники с боковыми пазами или желобками по обеим сторонам стержня — наконечники копий и 2) костяной стержень с пазом только по одному ребру — однолезвийный вкладышевый нож, служивший для разделывания охотничьей добычи и снятия шкур.

Обнаруженные наконечники представляют длинные (18,5—18 см) уплощенные стержни. Один из концов стержня — острый, другой — уплощенный — служит для насада на древко копья или дротика.

Наконечники из стоянки Ошурково отличаются по форме от наконечников Мезина, Амвросиевки, Шан-Кобы. В то время как последние имеют веретенообразную (округлую) форму, наконечники из Ошурково уплощены, их плоскости почти параллельны друг другу и симметрично суживаются к острию. Кроме того, ошурковские наконечники имеют более глубокие пазы, уходящие внутрь стержня на глубину 0,3—0,4 см, при

ширине 0,2—0,3 см. Это дает основание докладчику утверждать, что наконечники Амвросиевки и Мезина не были вкладышевыми. Значительно ближе стоят к опурковским наконечники со стоянки Талицкого.

Вкладыши, найденные на стоянке Талицкого, по своей толщине (0,2—0,3 см) совпадают с прорезью стержня опурковских вкладышевых наконечников. Это дает возможность восстановить одно из комбинированных орудий верхнего палеолита. Это орудие состояло из костяного наконечника, края которого были оснащены кремневыми вставками-вкладышами.

А. Лесков (Харьков) сделал доклад о раскопках одного из курганов в зоне затопления будущего Симферопольского водохранилища. Интерес докладчика именно к этому кургану, обозначенному археологами под № 7, объясняется тем, что его насыпь составилась из нескольких небольших курганов, перекрытых более поздними курганами. Это обстоятельство дает возможность проследить период бронзы в Крыму (III—II тысячелетие до н. э.), а также и время Кизил-Кобинской культуры (VII—VI вв. до н. э.). Раскопки кургана № 7 позволили вскрыть некоторые особенности обряда детских захоронений древне-ямной культуры в курганах Крыма. Выяснилось, что детские погребения, как правило, богаче погребений взрослых; большинство могильных ям перекрывалось каменными плитами.

Значение раскопок 1954 г. состоит в том, что в Крыму устанавливается факт существования курганных захоронений кизил-кобинцев как во впускных, так и в основных погребениях.

И. Поздеева (МГУ) проводила в 1954 г. самостоятельные раскопки некрополя в Горгиинии. В результате раскопок выяснена история исследованного участка. До начала III в. до н. э. он был пригородным полем или лугом. В III—I вв. до н. э. здесь размещается городской некрополь. Особенно интересны два погребения этого времени. В первом погребении обнаружен сравнительно богатый инвентарь атлета — семь арибаллических лекифов, стригиль. В ногах покойника поставлена ойнохоя, сделанная из местной глины. Ее роспись — легкий, чисто декоративный изысканный растительный мотив — по стилю приближается к росписям ваз типа «Гнафия», но отличается от них по технике. В этом погребении были найдены боспорские монеты 330—315 гг. до нашей эры. В другой могиле III в. до н. э. найдена акварельная боспорская пелика, а также пять терракотовых женских фигур, изображающих стоящих и сидящих девушек. Все терракоты, очевидно, малоазиатского происхождения. Здесь же обнаружены золотые серьги с головками льва — мотив, нередкий в античной тюретике. Над одной из могил II в. до н. э. было сооружено треугольное перекрытие из боспорских и горгиинских черепиц. В самой могиле найдена лощеная пелика местной глины, маленькая чашечка с каким-то косметическим составом, серебряный медальон с изображением богини с двумя маленькими человеческими фигурами по бокам. Головной убор, одежда и обувь погребенной женщины были украшены бусами. На левой руке были надеты два медных браслета, каждый из которых состоял из четырех колечек. Во всех могилах III—I вв. до н. э. костяки расположены головой на северо-восток. Большой керамический материал дали раскопки городской свалки, которая возникла в некоторых местах исследованного участка III в. до н. э. и существовала до II в. нашей эры.

Наряду с привозной керамикой раскопки дали много местного материала. Найдено около 30 грузил, на некоторых из них оттиснуты клейма. Частовстречаются заготовки для резьбы по кости. Фрагменты сосудов литого стекла, разнообразные привозные и местные терракотовые статуэтки, краснолаковые канфары техники барбатин — все это составляет значительную часть находок в слое свалки; их изучение позволяет говорить об эллинском характере культуры населения Горгиинии. Во II—IV вв. н. э. на этом участке вновь размещается некрополь. Из 16 раскопанных погребений, относящихся к этому времени, интересны парные захоронения, детские погребения, погребение воина с мечом, датируемое III в. н. э. На мече сохранилась фигурная костяная рукоять, смонтированная на железном стержне и стянутая медными колечками.

Такой хорошей сохранности костяная рукоять меча обнаружена впервые. Наше представление о местной культуре расширяется благодаря найденным полутора десяткам надгробных стел со своеобразными изображениями.

Данные раскопок И. Поздсевой подтверждают вывод проф. В. Д. Блаватского о значительной эллинизации синопской столицы, а также его датировку основания города.

И. О с и п е н к о (МГУ) в своем докладе подробно рассмотрела данные археологических раскопок боспорского города Илурата, позволяющие судить о его экономике. Основным занятием жителей Илурата было земледелие, базировавшееся на производстве мягкой пшеницы. Большое значение имело скотоводство. Ремесленное производство Илурата, так же как и земледелие, служило для удовлетворения потребностей самого населения крепости. Наибольший интерес в докладе вызвал анализ культов — божеств-покровителей растительного и животного мира, тесно связанных с сельским хозяйством.

И. Ш у р г а я (МГУ) сделал интересный доклад о сельскохозяйственной усадьбе «villa rustica» в Мирмекии. И. Шургая познакомил аудиторию с хорошо сохранившимся и потому представляющим большой интерес памятником античности Северного Причерноморья¹.

Доклады ленинградских студентов вызвали оживленное обсуждение. Г. К о ш е л е н к о (МГУ) не согласился с трактовкой И. Осипенко Илурата, как однослойного памятника, в то время как раскопки дают ряд вещей эллинистического и даже классического времени. Из шести монет, найденных за два раскопчных сезона, о которых есть печатные отчеты, одна относится к I в. до н. э. Против положения докладчика свидетельствует также и то, что рядом с городищем расположены два зольника, в которых также встречаются вещи эллинистического времени. Г. Кошеленко не согласен также с объяснением прекращения жизни на Илурате в результате его катастрофической гибели. Против этого говорит отсутствие разрушений, обычно сопровождающих погибшие города, отсутствие трупов, брошенного оружия и т. д. Все это противоречит тому, что известно из раскопок римских крепостей и городов на Дунае, взятых в свое время и разрушенных варварами. Очевидно, крепость Илурат была оставлена мирно. Нумизматический материал также противоречит датировке докладчиком прекращения жизни Илурата в 70-е годы III в. нашей эры. Г. Кошеленко считает неправомерным сравнение докладчиком жителей Илурата с клерухами, поскольку клерухия является институтом классического и эллинистического времени. Илурат и его население скорее могут быть сравнены с теми поселениями зависимых племен на границах, которые широко практиковались римлянами в период империи. И. П о з д е е в а (МГУ) выразила сомнения, что до окончания археологических исследований можно утверждать, как это сделал И. Шургая, что «villa rustica» — изолированный памятник. Небольшая толщина стены, очень сложный комплекс производственных помещений, наличие не одной, а нескольких виноделен свидетельствуют против этого положения докладчика. Мнение И. Шургая о перенесении центра тяжести в сельскохозяйственном производстве Боспора с хлеба на вино после вытеснения с рынков боспорского хлеба представляется, по ее мнению, спорным и нуждающимся в более веской аргументации, так как виноделие существовало на Боспоре и раньше, уже с IV в. до н. э. Об этом свидетельствует находимая при раскопках тара. К тому же, в III в. не наблюдается уменьшения привоза вина в Северное Причерноморье вообще. И. Поздсеева считает неудачной попытку И. Шургая объяснить гибель усадьбы в начале I в. до н. э. набегами каких-то местных племен. Известно, что именно в это время войска Митридата, разбившие скифов, сарматов, подавившие восстание Савмака, имели полную возможность оборонять Крым. Скорее, гибель усадьбы может быть связана с какими-то событиями во время восстания боспорских городов против Митридата.

А. К о к о р е в (Молотов) в докладе «Археологическая карта СССР» (лист 04099) рассказал о достижениях Камской экспедиции Молотовского университета. В При-

¹ К сожалению, мы лишены возможности дать более подробное изложение доклада И. Шургая, так как тезисы доклада не были представлены секретариату конференции.

камье сейчас выявлена эпоха мезолита, представленная семью стоянками. Основываясь на материале, обнаруженном в стоянках, можно выделить особую локальную область прикамского мезолита. Выявляется особая культурная область камского неолита, характерными чертами которого является наличие плотной керамики с зубчатым орнаментом, а также прямоугольных жилищ-полуземлянок. Сейчас открыто и обследовано уже значительное число стоянок, относящихся к эпохе бронзы.

При сравнении материальной культуры этих раскопанных стоянок с материальной культурой стоянок устья р. Чусовой между ними устанавливается некоторое сходство, которое прослеживается в форме жилищ. Но между стоянками Прикамья и стоянками устья р. Чусовой наблюдается и значительная разница. Так, все раскопанные среднекамские стоянки чрезвычайно бедны керамикой; имеющаяся керамика отличается бедностью орнамента; отмечены такие формы орудия (ромбовидные наконечники стрел), которые совсем отсутствуют на чусовских стоянках; на среднекамских стоянках была более развита плавка меди, чем на чусовских; на Средней Каме отсутствовали такие большие поселения, как Бор I и Боровое озеро II. Очевидно, на Средней Каме мы имеем дело с племенем, родственным чусовскому племени; весь же район Средней Камы входил в Турбинскую культурную область.

Г. С л е д к о в а (ЛГУ) сообщила о раскопках верхне-палеолитического жилища и погребения в Костенках II. Под значительным скоплением костей мамонтов были обнаружены культурные остатки, границы которых совпадают с границами скопления костей мамонтов. В центре культурных остатков находился очаг, вокруг которого найдены лежавшие в небольших углублениях костные и кремневые изделия. Повидимому, это был пол наземного жилища, каркасом стен которого служили вертикально вкопанные кости мамонтов. Раскопанное жилище аналогично другим верхне-палеолитическим жилищам — Пушкари I, Елисеевичи и др. Рядом с жилищем находилась погребальная камера овальной формы, в центре которой был обнаружен костяк в сидячем положении, обращенный к юго-востоку. По определению М. М. Герасимова все кости скелета принадлежали кроманьонцу-европеоиду в возрасте около 50 лет. На основании кремневого и костяного инвентаря докладчик относит Костенки II вслед за П. П. Ефименко к раннемедленскому периоду верхнего палеолита.

Созванная с целью установления связи между научными кружками студентов-археологов различных городов Советского Союза, конференция дала возможность ознакомиться с тематикой студенческих археологических исследований, а научные студенческие общества получили возможность обменяться опытом организации своей работы. Конференция отметила хорошее начинание студентов Молотовского и Харьковского университетов, ежегодно проводящих полевые разведки вокруг своих городов. Конференция имела большое познавательное значение и разрешила ряд организационных вопросов в работе научно-студенческих кружков.

На конференции была представлена выставка полевых исследований 1954 г. Было принято решение организовать в 1956 г. конференцию с участием представителей от студентов-археологов всех городов СССР.

А.Н.Н.